

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ МИРОВЫХ
ЯЗЫКОВ
ФАКУЛЬТЕТ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Ниёзматова Хайитгул Шавкатовна

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛАВЯНИЗМОВ В ЯЗЫКЕ ПУШКИНА**

**На соискание степени бакалавра по направлению образования:
522 01 00 – Филология и обучение языкам (русский язык)**

«Рекомендовано к защите»

Завкафедрой

русского языка и литературы

_____ к.ф.н., доц. Н.М. Петрухина

2014 год «__» _____

Научный руководитель

_____ к.ф.н., доц. С.Б. Им

2014 год «__»

Ташкент – 2014

Оглавление

Введение	3
Глава I. Пушкин и реформа русского литературного языка	6
1.1. Взгляды Пушкина на русский литературный язык и пути его развития	7
1.2. Принципы отбора языковых средств у Пушкина	9
1.3. Простонародные слова и выражения	10
1.4. Отношение Пушкина к славянизмам	13
1.5. Пушкин и проблема заимствований	17
Выводы по I главе	21
Глава II. Язык трагедии «Борис Годунов»	23
2.1. Язык драмы в пушкинский период	23
2.2. Церковнославянизмы в языке «Бориса Годунова»	24
2.3. Разговорная речь в языке трагедии	34
2.4. Просторечие в «Борисе Годунове»	40
2.5. Элементы делового языка в драме «Борис Годунов»	45
2.6. Фольклорный материал	50
2.7. Галлицизмы в драме «Борис Годунов»	52
Выводы по II главе	57
Заключение	59
Список использованной литературы	61

Введение

Предметом исследования выпускной квалификационной работы являются славянизмы, употреблённые А. С. Пушкиным в трагедии «Борис Годунов», написанной в 1825 г.

«Исторический опыт, преемственность традиций – всё это должно стать теми ценностями, на которых воспитываются наши поколения»¹.

Большая часть драм созданы Пушкиным в период полной зрелости его творчества. В законченном виде Пушкин оставил всего пять пьес. К ним относятся «Борис Годунов» и четыре «маленькие трагедии».

Свои драматические произведения поэт писал не для чтения, не как поэмы в диалогической форме, а как театральные пьесы для постановки на сцене, для театра, когда учитывается игра актеров, театральное действие, непосредственно воспринимаемые зрителем.

Трагедия «Борис Годунов» написана в то время, когда поэт полностью отошел от романтизма, и перед Пушкиным встала задача внимательного изучения особенностей действительности, проникновения в ее сущность методами художественного познания и поэтического воспроизведения её.

«Борис Годунов» - первая реалистическая драма - была создана в период, когда уже полностью сформировались взгляды поэта на структуру русского литературного языка, когда в творчестве Пушкина определился эстетический и художественный критерий, специфика языка художественной литературы. Выражением принципиально нового отношения к языку художественной литературы является соединение Пушкиным языковых элементов из разных стилистических пластов русского литературного языка, что было совершенно новым для литературного языка и языка художественной литературы того

---

¹ Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Ташкент: Узбекистан, 1997 – С. 134.

времени. В классицизме господствовали жанровые стилистические правила и условности. В сентиментализме жанровые оценки сменились оценками с позиций вкусов и норм дворянского общества, что было чрезвычайно стеснительно для развития литературы и индивидуального стиля

писателя, так как уравнивался стиль разных писателей. Условности классицизма сменились условностями и ограничениями, условно отобранными формами языка светского общества, стилистически замкнутого и однотонного.

С именем Пушкина связан новый период в истории русского литературного языка. Именно в его творчестве вырабатываются и закрепляются единые общенациональные русского литературного языка в результате объединения в одно неразрывно целое всех семантико-стилистических и социально исторических пластов русского языка на широкой народной основе. С именем Пушкина связана и начинается эпоха современного русского литературного языка.

Язык Пушкина – сложнейшее явление. «Используя гибкость и силу русского языка, - писал академик В. В. Виноградов, - Пушкин с необыкновенной полнотой, гениальной самобытностью и идейной глубиной воспроизводил с помощью его средств самые разнообразные стили русской современной и предшествующей литературы, а также, когда это было нужно, литератур Запада и Востока. Язык Пушкина вобрал в себя все ценные стилистические достижения предшествующей национально-русской культуры художественного слова.»¹

Целью нашего исследования является описание языка трагедии «Борис Годунов».

В задачи выпускной квалификационной работы входит:

1. Раскрыть сущность реформы, проведенной Пушкиным в русском литературном языке.
2. Описать пушкинские принципы отбора речевых средств.

3. Роль народной речи в структуре литературного языка.
4. Роль церковнославянизмов в структуре литературного языка.
5. Роль других речевых средств в структуре русского литературного языка.

Актуальность выбранной темы объясняется тем, что язык Пушкина представляет собой в целом сложное явление. Драматический язык Пушкина не был освещен в свете реформы литературного языка.

Новизна работы состоит в том, что в исследовании раскрывается стилистическая сложность языка анализируемого произведения, что отражает многогранность изображаемой действительности.

Научная и практическая значимость исследования. Данные описания могут быть использованы в теоретических курсах по истории русского литературного, стилистике русского языка, на практических занятиях по истории русского литературного языка, стилистике русского языка, спецкурсах и спецсеминарах.

Глава I. Пушкин и реформа русского литературного языка

Историческая роль Пушкина как создателя современного русского литературного языка заключается в том, что он разработал и закрепил в литературе общенациональную норму современного русского литературного языка. Именно творчество Пушкина воплотило в наиболее совершенной форме особенности русского литературного языка первой половины XIX века и оказало огромное влияние на его развитие.

С тех пор, как художественная литература выделилась из общего потока письменности, она постепенно все более и более растеряла свои общественно-идеологические функции. В соответствии с этим язык художественной литературы приобретал все большее значение в системе литературного языка. В первой половине XIX века язык художественной литературы был самым важным компонентом в литературном языке как системе подсистем. Протекавшие в языке художественной литературы процессы во многом определяли пути развития всего литературного языка. В языке художественной литературы с наибольшей четкостью получали оформление общенациональные нормы литературного языка. Рост значения языка художественной литературы в рассматриваемый период был связан также с развитием критического реализма как определенного метода словесно-художественного изображения. Отсюда следует, что для развития русского литературного языка наиболее важно творчество великого поэта в области художественной литературы. Академик В. В. Виноградов писал:

«Творчество Пушкина как высшее воплощение норм национально-русского литературно-языкового выражения является наиболее ярким доказательством того, что художественная литература – могучий двигатель развития языка. Стилистическая система Пушкина

послужила базой дальнейшего развития русского национального литературного языка»³

1.1. Взгляды Пушкина на русский литературный язык и пути его развития

В художественном творчестве Пушкина, в языке его произведений отразились характерные черты русской нации, что сделало его национальным русским поэтом, создателем не только языка художественной литературы, но и современного русского литературного языка. Он решил важнейшие исторические задачи, стоящие в то время перед русским литературным языком:

1. Это вопросы расширения словарного состава литературного языка.

2. Дальнейшая демократизация русского литературного языка, так как проблема уточнения объема высоких книжных, а также просторечных форм в пушкинскую эпоху оказалась чрезвычайно актуальной.

В творчестве Пушкина указанные задачи нашли свое гениальное разрешение. В сравнении с языком таких выдающихся предшественников, как Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, язык Пушкина поражает своим необыкновенным объемом. Это необыкновенная для своего времени широта литературного языка прежде всего объясняется отказом от тех жестких границ для просторечия, живой народной речи, которые были свойственны Карамзину и его

школе. В отличие от Карамзина, который, по мнению Белинского, не прислушивался к языку простолюдинов и «не изучал вообще родных источников», Пушкин видит в родных источниках, в разговорной речи

---

³ В. В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка - М., 1978- с. 205

народа, в ее наиболее типичных национально-характерных проявлениях и формах основу литературного языка.

Признание народно-разговорной речи важнейшим структурным элементом литературного языка вовсе не означает недооценки книжных традиций. Поэт утверждал, что письменный язык не должен отречься от приобретенного им в течение веков; «писать единственно языком разговорным – значит не знать языка».

Просторечие и славянизмы противопоставлены Пушкиным сглаженному и лишенному национально-характерных черт салонному стилю. Его понимание состава и границ литературного языка заметно отличается от карамзинского. Разговорная речь широко вовлекается в литературный язык. В Пушкине «как будто в лексиконе заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство»¹ (Н. В. Гоголь).

Обосновывая теоретически и разрабатывая практически это положение, Пушкин в то же время понимал, что литературный язык не может быть только копией разговорного, что литературный язык не может и не должен избегать всего того, что было накоплено им в процессе многовекового развития, так как это обогащает и расширяет его стилистические возможности, усиливает художественную выразительность.

В «Письме к издателю» он формулирует эту мысль с предельной четкостью и сжатостью. «Может ли быть письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, также разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному... Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отречься от приобретенного

---

¹ Русские писатели о языке - Л., 1954 - с. 181

им в течение веков. Писать единственно разговорным – значит не знать языка»¹ (А. С. Пушкин).

Таким образом, главной идеей теоретических положений Пушкина является сближение двух языковых стихий – разговорной и книжной – в едином национальном литературном языке.

В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) поэт пишет: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неповторимое превосходство перед всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи... Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе он заимлет гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей»²

1.2. Принципы отбора языковых средств у Пушкина

В своем творчестве Пушкин использует самые разнородные речевые средства. Он производит сложную перегруппировку литературно-языковых элементов, создавая оригинальный и смелый синтез наиболее жизненных речевых средств. В этом синтезе цементирующей основой, фундаментом является прежде всего общенародный язык во всем его многообразии.

Поэт не признает стилистического однообразия текста художественного произведения и выступает против строгой закрепленности речевых средств за определенным стилем языка. Пушкин доказал своим творчеством, что права

---

¹ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 т. т.6 - М., 1976 - с. 178

² А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 т. т.6 - М., 1976 - с. 11

литературности могут приобрести самые разнородные речевые средства. Он отбирает из общенародного языка в литературный язык только такие слова и выражения, которые были общенациональны и общепризнаны, исторически апробированы, избегая местных диалектных слов и специальной лексики. По его мнению, сущность главного критерия при отборе речевых средств состоит «не в безотчетном отвержении какого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.»¹

1.2.1 Простонародные слова и выражения

Разговорные, «простонародные» и просторечные слова и выражения, разговорные синтаксические конструкции подвергались Пушкиным строгому качественному и количественному отбору в соответствии с ведущим принципом его творчества – принципом

соразмерности и сообразности, не допуская грубого просторечия, диалектизмов и жаргонизмов. Отбирая наиболее емкие в смысловом отношении и наиболее стилистически выразительные речевые средства разговорного языка, Пушкин объединяет их в единое целое с нейтральными и книжными языковыми средствами, в результате чего рождается та искренность и точность выражения, та подлинная непринужденность повествования, которые отличают не только прозаический, но и стихотворный язык Пушкина. Происходит ассимиляция просторечных и «простонародных» словесных рядов в языке пушкинской поэзии и прозы, вовлечение этих рядов в систему литературного выражения, наблюдается органическое слияние «простонародной» речи и книжного языка в единой литературной речи, что было высшим проявлением народности литературного языка.

---

¹ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 т. т.6 - М., 1976 - с. 14

Пушкин привлекает также в литературный язык различные элементы социально-речевых стилей. Так, в «Евгении Онегине» отражена речь передовой дворянской интеллигенции, устная речь

няни, разговоры провинциальных помещиков, элементы жаргона великосветских гостиных, например, речь няни:

*Сердечный друг, уж я стара,
Стара, тупеет разум, Таня;
А то бывало, я востра...*

*Ты чуть вошел,
Я в миг узнала
Вся обомлела, запылала*

В языке авторского повествования «Евгения Онегина» встречаются такие просторечные слова, как **сулить**, **трунить**, **морочить**:

*Бывало, он **трунил** забавно,*

*Умел **морочить** дурака...
Хоть иногда и сам **впросак**
Он попадался, как **простак***

Выражение **зюзя пьяный** Пушкин употребляет для усиления сатирической простоты образа Зарецкого.

*Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваясь,
Как **зюзя пьяный**, и французам
Достался в плен*

*Когда же юности мятежной,
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной*

Monsieur прогнали со двора.

Все чувства в Ленском помутились,

И молча он повесил нос

В стихотворении философского характера «Телега жизни» темой является жизнь. Символика жизни детализируется и воплощается в ряд простонародных обрядов: **жизнь – крестьянская телега, седое время – лихой ямщик**, который «везет» не слезет с облучка.

Народная речь у Пушкина раскрепощена от жанра, независима от него и не выступает непременно как средство этнографического раскрашивания: она проникает в разные по характеру произведения, перестает быть внелитературным явлением, а входит основным элементом в литературный язык, отражая его нормы и органически объединяясь с книжными элементами языка.

Иногда разговорные, просторечные, простонародные слова и

выражения бывают стилистически окрашенными.

1. В произведениях, стилизованных под фольклор:

Поживи-ка на моем подворье,

Попляши-ка под нашу балалайку.

Что не конский топ, не людская молвь,

Не труба трубача с поля слышится,

А погодушка свищет, гудит,

Свищет, гудит, заливаётся.

2. Для создания речевой характеристики героя определенного социального положения:

Старушка ей: «А вот камин, здесь барин сиживал один

Здесь с ним обеживал зимою

Покойный Ленский.

1.3. Отношение Пушкина к славянизмам

Проблема церковнославянизмов, вызвавшая столь оживленные споры между карамзинистами и шишковистами, оставалась все-таки нерешенной, поэтому отношение Пушкина к речевым средствам церковнославянского происхождения представляет большой интерес как для понимания самих закономерностей развития русского литературного языка, так и для творческой практики поэта.

Пушкин, не разделяя взглядов Шишкова на русский литературный язык как язык славяно-российский, подчеркивал весьма существенное различие речевых средств церковнославянского и русского происхождения. Поэт понимал, что за церковнославянизмами стоит многовековая культура слова и пренебрегать ею нельзя. Поэтому все жизненные элементы церковно-книжного происхождения, которые были традиционно закреплены за стилями поэзии, он охотно употреблял. В поэзии задерживалось большее количество славянизмов, чем в прозе.

Пушкинская оценка славянизмов исторически менялась и развивалась. В творчестве раннего Пушкина славянизмы употребляются довольно часто, преимущественно под влиянием поэзии Державина, а так же ломоносовских традиций. Однако позднее Пушкин заметно отходит от многих славянизмов, значительно сокращая их количество, руководствуясь при этом уже выработанным им принципом **соразмерности** и **сообразности**, употребляя славянизмы соответственно с содержанием и идеей произведения.

Ранние произведения Пушкина, например, «Воспоминания в Царском селе» насыщены славянизмами:

*Навис покров угрюмый **нощи**;*

*Не здесь сразил его **воитель** поседельй,*

О бородинские кровавые поля.

Над романом «Евгений Онегин» Пушкин работал долгие годы. Первые его главы насыщены славянизмами в большей степени, чем последующие.

Мои богини! Что вы! Где вы!

*Внемлите мой **печальный** глас:*

Все те же ль вы? Другие ль девы,

Сменив, не заменили вас?

Зрелый Пушкин возражает против произвольного, неоправданного с художественной точки зрения употребления славянизмов. Старославянизмы необходимы там, по мнению Пушкина, где они способствуют правдивому показу жизни. Слова старославянского происхождения у Пушкина выполняют определенные стилистические функции.

1. Функция приподнято торжественного повествования. В тех случаях, когда поэт говорит о высоких и важных материях, церковнославянизмы, овеянные ореолом давности, торжественности, величия, напоминающие о седой старине, оказывались незаменимым изобразительным материалом.

*Красуйся **град** Петров, и стой*

Неколебимо, как Россия,

Да умирится же с тобой

И побежденная стихия;

***Вражду и плен старинный** свой*

Пусть волны финские забудут

*И **тщетной** злобою не будут*

*Тревожить **вечный сон** Петра.*

В той же функции торжественно-преподнятого повествования славянизмы выступают у Пушкина в «Послании к Пушину», а также в «Памятнике», в котором он подводит итог своей творческой деятельности и предсказывает бессмертие своим творениям.

2. Историческая стилизация, под которой понимается воспроизведение наиболее характерных и излюбленных средств и приемов выражения, употреблявшихся в минувшие дни. Историческая стилизация предполагает

перенесение повествовательного плана в прошлую эпоху и своего рода имитацию под стиль, характерный для изображаемой эпохи.

Трагедия «Борис Годунов» представляет собою яркий образец исторической стилизации, представленной в речи Пимена, Бориса и других действующих лиц. С помощью церковнославянизмов поэт воспроизвел характерные черты языка того времени.¹

3. Воссоздание стиля античной поэзии.

*Поют неистовые девы,
Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви;
Их перси дышат вожделением;
Их очи, полные безумством и томленьем,
Сказали: счастье лови
(Торжество Вакха, 1818)*

4. С 20-х годов Пушкин широко использует библейские образы, библейские синтаксические конструкции, слова и словосочетания библейской мифологии.

Так, стихотворение «В крови горит огонь желанья» написано под влиянием библейской «Песни песней»:

*В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще **мирра** и вина.
Склонись ко мне **главою** нежной,
И да почию **безмятежный**.
Покадохнет веселый день,
И двинется ночная тень.*

---

¹ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы - М., 1950 - с. 508

(1825)

Сравним в Библии:

Да лобжет мя, от лобзаний уст моих:

Яко благо сосца твоя паче вина, и воня

Мирра твоего паче всех аромат.

5. Славянизмы служат для создания профессиональной характеристики героя, например, в «Борисе Годунове» чернец Варлаам в разговоре с приставами употребляет особую лексику и фразеологические единицы, стараясь напомнить о своем сане:

*«Плохо, **сыне**, плохо! Ныне христиане стали скупы: деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. **Прииде грех велий на языци земнии.**»*

6. Для создания комического эффекта, пародирования библейского стиля, библейских образов.

Добра чужого не желать

Ты, боже, мне повелеваеть;

Но меру сил моих ты знаешь –

Мне ль нежным чувством управлять?

А видеть друга не желаю,

И не хочу его села,

Не нужно мне его вола,

На все спокойно я взираю:

Ни дом, ни скот, ни раб,

Не лестна мне вся благостыня.

Но ежели его рабыня

Прелестна... Господи! Я слаб!

(10 заповедь, 1823г.)

Таким образом, на протяжении всей творческой деятельности славянизмы являются неотъемлемой частью лирики поэта. Если в

творчестве раннего Пушкина славянизмы привлекались для создания поэтического образа, то в зрелых произведениях художественный образ создается поэтом за счет

особой поэтической лирики, русской и старославянской по своему происхождению, а также за счет нейтральной, общеупотребительной и разговорной лексики. Употребляя славянизмы наряду с русскими словами, Пушкин старался освобождать их от религиозной мистики, от закрепления славянизмов за высоким стилем речи, что вело к утрате традиционной окраски риторичности.

1.4. Пушкин и проблема заимствований

Не менее острой была проблема заимствований в языке. Решалась она по-разному, в зависимости от взглядов на развитие русского литературного языка. Сторонники книжно-славянского типа языка – славянофилы, или шишковисты – не считали возможным заимствовать что-либо у другого языка. Пушкин, выступая против засорения русского языка иностранными словами и выражениями, считал, что нельзя безотчетно отвергать любое заимствование, только потому, что оно иностранное. В отношении к заимствованиям он также придерживается принципа **соразмерности** и **сообразности**. Поэт одобряет те заимствования, которые не стесняют свободу развития родного языка, а способствуют его обогащению. Свое отношение к заимствованиям он выразил в романе «Евгений Онегин» в следующих стихах:

*Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог*

Иноплеменными словами.

Хоть и заглядывал я встарь

В академический словарь.

Упоминание об Академическом словаре 1789-1794 г. г. не случайно, так как в нем отсутствуют даже те иностранные слова, которые давно и прочно вошли в обиход русского разговорного языка.

В своем творчестве сообразно своему основному принципу Пушкин употребляет такие заимствования, которые способствуют тому, чтобы лучше, яснее и образнее выражать свои мысли.

В романе «Евгений Онегин» несколько раз употребляется модное в то время слово «**идеал**»:

Склоняясь усталой головою,

*На модном слове **идеал***

Тихонько Ленский задремал.

А та, с которой образован

*Татьяны милой **идеал**...*

О много, много рок отъял.

В творчестве Пушкина встречается ряд заимствований, которые были распространены в речи образованных людей того времени: **ассигнация, балкон, жилет, визитка, гарем, дилижанс, лира, панталоны, фрак, фонтан** и др.

Таким образом, в творчестве Пушкина, в его языковой практике нашли разрешение все животрепещущие вопросы развития русского литературного языка: освобождение его от условных стилевых ограничений, олитературивание просторечия, стилистическая нейтрализация книжных средств и органическое слияние ранее

несовместимых языковых элементов в одном произведении. Пушкин создал и укрепил систему единого общелитературного языка, преодолев

в то же время стилистическую однотонность, однообразие, условность литературной речи, образовав возможности для создания стилистически сложных и разнообразных контекстов.

Новая система литературного языка особенно тесно была связана с тенденциями развития стилей художественной литературы, поэтому

именно в художественной литературе она нашла прежде всего свое выражение и воплощение. В пушкинскую эпоху с особой очевидностью обнаруживается тесная взаимозависимость между развитием литературы и литературного языка. Академик В. В. Виноградов отмечает «наличие строго закономерного соотношения между оформлением реализма как специфического метода словесно-художественного изображения и процессами образования национальных литературных языков».¹

Важным и принципиально новым является сам подход к языку литературы. При отборе языкового материала в художественное выдвигается на первый план критерий эстетический, то есть он выбирается в соответствии с конкретной художественной задачей, поставленной в произведении. Нет ничего заранее заданного, условного, навязанного со стороны: как это было при классицизме, где структура литературного текста диктовалась жанром, а при сентиментализме все условности были связаны с образом сентиментального рассказчика. Теперь язык произведения непосредственно вытекает из внутренних свойств произведения. Он поэтому так же эстетически значим и индивидуально неповторим, как все прочие элементы художественного произведения. Разрушается система условностей и ограничений,

стоявшая между художником и изображаемой им действительностью.

В языке Пушкина произошло соединение языковых элементов из разных стилистических пластов литературного языка и общенародного. «Стилистическая окраска слова для Пушкина сама становится

---

¹ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы - М., 1959 - с. 466

изобразительным средством. Именно такое применение стилистических средств и характерно для дальнейшего развития литературы вплоть до наших дней».¹

А. Н. Островский так оценивает реформу Пушкина в языке: «Пушкин завещал своим последователям искренность, самобытность, он завещал каждому быть самим собой, он дал всякой оригинальности смелость, дал смелость русскому писателю быть русским».²

---

¹ Б. В. Томашевский. Вопросы языка в творчестве Пушкина // Пушкин, исследования и материалы. Т. 1 - М. – Л., 1956 - с. 60

² А. Н. Островский. ПСС, т. XIII - М., 1952 - с. 167

Выводы по I главе

Пушкин – создатель норм современного русского литературного языка.

Ведущим принципом при отборе речевых средств является принцип соразмерности и сообразности.

Народная речь у Пушкина перестает быть внелитературным явлением, а входит основным элементом в структуру литературного языка, отражая ее нормы и органически объединяясь с книжными элементами языка.

Книжная речь из замкнутой языковой системы перерождается в один из элементов русского литературного языка.

Именно в творчестве Пушкина произошло гармоническое слияние всех жизнеспособных элементов современного ему литературного языка с элементами общенародного языка в текстах всех жанров литературы.

Славянизмы служат для выражения определенных стилистических функций.

Хочется завершить свои выводы высказыванием академика В. В. Виноградова:

«Итак, в языке Пушкина впервые пришли в равновесие основные стихии русской речи. Осуществив своеобразный синтез основных стихий русского литературного языка, Пушкин навсегда стер границы между

классическими тремя стилями XVII века. Разрушив эту схему, Пушкин создал и санкционировал многообразие национальных стилей, многообразие стилистических контекстов, спаянных темой и содержанием. Вследствие этого открылась возможность бесконечного индивидуально-художественного варьирования литературных стилей. Таким образом, широкая национальная

демократизация литературной давала простор росту индивидуально-творческих стилей в пределах общелитературной нормы»¹

---

¹ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX в. В. - М., 1982 - с. 267 – 268

Глава 2. Язык трагедии Пушкина «Борис Годунов»

2.1. Язык драмы в пушкинский период

Драматический язык был одним из самых больных вопросов русской литературной жизни первых десятилетий XIX в. Это было связано кризисом русской драматургии. Трагедия классического типа сходила со сцены, доживая свой век под маской сентиментализма. Но место умирающей классической трагедии оставалось ничем не занятым. Современники связывали упадок драматургии в связи с именем Карамзина, который явился самым ярким представителем сентиментального направления в России. Самый жанр трагедии был внутренне чужд сентиментализму. В частности, та теория литературного языка, которая считала идеалом язык светского общества и была одним из наиболее ярких проявлений карамзинизма, не давала почвы для обновления драматического языка. Классическая трагедия строилась на принципе монолога, действующие лица не говорят, не беседуют, а декламируют.

«Борис Годунов» был первой русской трагедией в которой декламация перестает быть основным и главенствующим принципом драматического языка.

Отход Пушкина от господствующей традиции сказался на том, что в трагедии поставлена цель – внести разнообразие в драматический язык в соответствии со своими принципами реформы русского литературного языка. Поэт отказывается от «искусства, ограниченного кругом языка условленного, избранного». В письме к Н. Н. Раевскому Пушкин писал: «Правдоподобие положений и правдивость диалога – вот истинное правило трагедии. (Я не читал ни Кальдерона, ни Веги), но до чего

изумителен Шекспир!.... Читайте Шекспира, он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с величайшей непринужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык, соответствующий

его характеру». ¹ Отрицание единства слога и ввод «площадного» слога идут от Шекспира. Русская классическая трагедия за все время ее существования была неприступной крепостью «высокого слога» в том понимании этого термина, какое сложилось во второй половине XVIII в. «Высокий слог» означал полное однообразие языка в трагедии в качестве совершенно твердой, условной нормы, непосредственно прикрепленной к жанру трагедии.

По мнению Пушкина: «Истинные гении трагедии заботились всегда исключительно о правдобию характеров и положений» ²

«Правдобие характеров и положений», «правдоподобие чувствований в предлагаемых обстоятельствах» являются для Пушкина основными требованиями драматического искусства. И соответственно язык трагедии не должен нарушать этих требований. Пушкин стремится выйти за тесные пределы традиций. Его стремления строятся опять-таки на **принципе соразмерности и сообразности**, который является ведущим принципом творчества великого поэта.

Задача Пушкина заключалась в том, чтобы заменить условный язык драмы, основаны на обособленном высоком слоге, общим языком эпохи, который создавал Пушкин в своих произведениях; богатый и разнообразный, совмещающий в себе материалы разного качества и колорита, состава. Пушкин уничтожил обособленность

драматического языка, вовлек драматический жанр в общий поток развития русского литературного языка пушкинской поры.

2.2. Церковнославянизмы в языке «Бориса Годунова»

---

¹ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 т., т. 6 - М., 1976 - с. 261

² А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 т., т. 6 - М., 1976 - с. 263

В отношении к церковнославянизмам Пушкин является последователем Карамзина, который считает, что их необходимо употреблять с определенной стилистической целью. Пушкина в славянизмах привлекает не «слог», а вполне реальные смысловые и экспрессивные качества каждого данного славянизма в определенном контексте.

Принципу разнообразия слога в «Борисе Годунове» отвечает то обстоятельство, что церковнославянизмы являются хотя и заметной, но все же только частностью, одним из элементов языкового стиля, окруженным различными другими формами пушкинского языка.

В некоторых случаях церковнославянские варианты являются вариантами, которые употребляются наряду с русскими вариантами. По большей части выбор того или иного варианта обусловлен контекстом. Интересна в этом отношении сцена «Краков. Дом Вишневецкого», где рядом находятся **глава** и **голова**. **Глава** употребляется в отвлеченно-риторической реплике боярина Хрущева:

Мы из Москвы, опалые, бежали

К тебе, наш царь, - и за тебя готовы

***Главами** лечь, да будут наши трупы*

На царский трон ступенями к тебе

Во второй реплике Карелы есть конкретные исторические подробности, характеризующие социальные отношения русского средневековья:

К тебе я с Дона послан

От вольных войск, от храбрых атаманов,

От казаков верховых и низовых,

Узреть твои царицы ясны очи

И кланяться тебе их головами

Самозванец: Родился я под небом полунощным,

*Но мне знаком латинской музы **голос**,*

*И я люблю парнасские цветы,
Я верую в пророчества **пиитов**...*

*Когда со мной свершится
Судьбы завет, когда корону предков
Надену я, надеюсь вновь услышать
Твой **сладкий глас**, твой вдохновенный гимн*

Марина: Дмитрий! Вы?

*Самозванец: волшебные, сладкий **голос!***

В рассказе патриарха, выдержанном в церковном стиле, есть стихи:

Твой верный богомолец,

В делах мирских не мудрый судия,

Дерзает днесь подать тебе свой голос.

Слово **глас** казалось бы больше соответствовало общему тону речи, тем более ритмические условия вполне допускали такую замену. Но на самом деле выражение **подать глас** в смысле «заявить мнение» в церковнославянском языке невозможно: соответствующее значение принадлежит только слову **голос**. Приведенные стихи могут служить ярким примером совмещения церковнославянских элементов речи с

нейтральными церковными элементами русского литературного языка.

В этом же рассказе патриарха на общем фоне церковно-книжной лексики мы находим элементы простонародной речи:

*В глубоком сне, я слышу, детский **голос***

*Мне говорит: встань, дедушка, **поди***

Ты в Углич-град, в собор преображенья;

Ты помолись ты над моей могилкой

В словах Басманова: «Он сломит рог боярству родовому» заменой глагола **стереть** рог, идущего из Библии, достигнуто опрощение

традиционного выражения, где рог является символом могущества и силы. Отсюда бытует современная идиома: **сломать себе рога**.

Известное затруднение для лингвистической интерпретации представляют следующие стихи из монолога Пимена:

Предстану здесь алкающий спасенья

Прииду к вам преступник окаянный

В первом стихе слово **алкающий** не является определением к подлежащему как обозначение вневременного постоянного признака, оно является предикатом: желающим спасенья. Второй стих также следует переводить:

Я приду к вам преступником окаянным;

Как преступник окаянный; в качестве преступника окаянного

Здесь употреблены древние конструкции со вторым именительным, который выступает в качестве предиката.

Интересно то, что Борис Годунов при помощи ярких церковнославянизмов выражает мысли европейского склада:

Мы смолоду влюбляемся и алчем

Утех любви, но только утолим

Сердечный глад мгновенным обладаньем

В языке трагедии встречаются многочисленные заимствования из Карамзина. Одни эти заимствования имеют не столько документальный

характер, сколько поэтический. Прежде чем ввести в трагедию тот или иной материал, представлявшийся поэту исторически характерным, он пропускал его через свое поэтическое сознание. В результате цитата, не теряя своей исторической колоритности, приобретала все типичные качества пушкинского языка, пушкинского поэтического слова. Пушкин сам характеризует свое отношение к исторически характерному языковому материалу так, что он старался угадать образ мыслей и язык избранной им эпохи. Пушкин чувствовал то, что ему нужно было как художнику.

Пушкин высоко ценит Карамзина как историка. «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами хронике... Нравственные его размышления, своею иноческой чистотою дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи».¹

Интересно проследить за переходом различных эмоциональных, патетических и лирических формул, «Истории Государства Российского» в языковую ткань «Бориса Годунова» и за превращениями, которые они переживают при этом процессе.

*Карамзин: «Патриарх... убеждал, требовал, и не поколебать
его твердости, ни в сей день, ни в следующие –
ни перед лицом народа, ни без свидетелей, -
не молением, не угрозами духовными»*

*Пушкин: Ни патриарх, ни думные бояре
Склонить его доселе не смогли;
Не внемлет он ни слезным увещаньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великого Собора.*

*Карамзин: «...но давно лишённые достоинства
Князей Владетельных, давно слуги
Московских Государей наравне с
Детьми Боярскими, они не дерзали
Мыслить о своем наследственном праве...»*

*Пушкин: Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служили*

---

¹ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах., т.6 - М., 1976 - с.32

*Карамзин: «Но Годунов вторично ответствен, что
высота и сияние Федорова трона
ужасают его душу»*

Пушкин: «Его страшит сияние престола»

Карамзин: «Для тебя обнажено мое сердце»

Пушкин: «Обнажена моя душа перед вами»

*Карамзин: «Юный, бодрый Воевода, в нежном цвете
лет ознаменованный славными ранами,
муж битвы и совета»*

Пушкин: «Великий ум! Муж битвы и совета!»

*Карамзин: «Борис крушился тогда без лицемерия,

и чувствовал, быть может, Казнь Небесную
в совести, готовив счастье милой дочери
и видя ее вдовою в невестах»*

Пушкин: «В невестах уж печальная вдовица»

Таким образом, многочисленные славянизмы, взятые из подлинников, имеют не столько цитатный, а сколько лирический характер.

В рассказе Пимена о кончине Федора Ивановича воспроизведены также некоторые конкретные детали подлинника из «Повети о честном житии Федора Ивановича», написанной патриархом Никоном:

«Царя убо единого зряще и того зело изнемогающе»

Из оригинала также взят образ **мужа светла**.

Пушкин: К его одру, царю едину зримый,

*Явился **муж** необычайно светел.*

В летописном рассказе это выражение встречается дважды:

*«Видит некакова пришедша к нему **мужа светла** во святителских однждах».*

*«Зрите ли? одра моего предстоит **муж светел** во одежи святителстей».*

Именно этот образ «**мужа светла**» поразил поэтическое воображение Пушкина. И тема света пронизывает все это место в рассказе Пимена:

И лик его как солнце просиял.

Последнего стиха в летописи нет. Нельзя быть уверенным, что в подлиннике выражение **муж светел** имеет именно тот смысл, который передал ему Пушкин. Упоминаемые в летописи **святительские одежды** можно истолковать как «одетый в праздничное одеяние, прекрасно,

богато убранный».

Подобные же нюансы можно отыскать в переложении письма Иоанна IV к Кириллу Белозерскому в том же рассказе Пимена:

И тихо он беседу с нами вел.

Он говорил игумену и братье:

«Отцы мои, желанный день придет,

***Предстану** здесь алкающий спасенья.*

Ты Никодим, ты Сергей, ты Кирилл,

Вы все обет примите мой духовный:

***Прииду** к вам преступник окаянный*

И схиму здесь честную восприму,

К стопам твоим, святой отец, припадши»

Приведем для сравнения подлинник:

*«... и пришедшу ми к вашему преподобию, и тогда со
Игуменом бьяше Иоисаф, Архим. Каменской, и Сергей Колычов,
ты Никодим, ты Антоний, а иных не упомяну; и бывши в сей
беседе надолзе, и аз грешный вам известих пожелание свое о
пострижении... и вам молитвовавшим, аз же окаянный
преклоних скверную свою главу и припадох к честным стопам
Игумена, благословения прося».*

При всей текстуальной близости пушкинских стихов к подлиннику нет ощущения документализма или стилизации. Все невозможное в пушкинском языке устранено. Слово «честный» в подлиннике означает «почтенный, достопочтимый» у Пушкина оно используется в значении «священный» (схима честная). Перечисление имен с повторением

местоимения второго лица в подлиннике лишено всякой стилистической и риторической нагрузки. У Пушкина приобретает характер необычайной поэтической торжественности. Весь отрывок дан в

контексте типической лирической манере Пушкина:

*«И тихо он беседу с нами вел»; «желанный день
придет»; «Задумчив, тих сидел меж нами Грозный»; «И сладко
речь из уст его лилася»; «И плакал он»; «Его душе страдающей
и бурной».*

И совершенно очевидно, что Пимен – персонаж, выполняющий лирическую функцию, даже развивая чисто летописную тему, он говорит языком, в котором сквозь черты монаха XVII в., носителя определенных черт национально-исторической идеологии, отчетливо проступают характерные черты Пушкина-лирика.

Сложно выводить вывод о том, что основная функция старославянизмов в трагедии – это осуществляемое через их посредство лирическое осмысление национально-исторической темы. При помощи их Пушкин воссоздает историческую эпоху того времени.

В речи Самозванца многочисленные славянизмы звучат очень экспрессивно, они создают общий риторический тон самозванца в политической и любовной риторике:

Хвала и честь тебе, свободы чадо!

Стократ священен союз меча и лиры

Нет, не вотще в их пламенной груди

Гордыней обуянный

Обманывал я бога и царей

Зри во мне любовника, избранного тобою

В уста Самозванца Пушкин вкладывает даже устаревшие формы косвенных падежей от местоимения **иже**:

Благословится подвиг,

***Егож** (который) они прославили заранее*

Ты была мне единственной святыней,

*Пред **нейже** (перед которой) я притворствовать не смел*

Царь: Да будет так. Владыко патриарх,

Прошу тебя пожаловать в палату.

Здесь употреблены устаревшая форма **да будет** и зв. ф. **владыко**.

В речи Марины также довольно часто встречаются славянизмы:

Не время, князь. Ты медлишь – и меж тем

***Приверженность** твоих клеветов стынет.*

Уже носят сомнительные слухи,

Уж новизна сменяет новизну;

*А Годунов свои **приемлет** меры.*

Клянешься ты? не именем ли бога,

Как набожный приемши езуитов?

Постой царевич, наконец

Я слышу речь не мальчика, но мужа

Слово «**муж**» в значении «мужчина» употребляет Годунов в своем предсмертном монологе, наставляя своего сына Федора:

Царь: О милый сын, ты выходишь в те лета,

Когда нам кровь волнует женский лик.

Храни, храни святую чистоту

Невинности и гордую стыдливость:

Кто чувствами в порочных наслажденьях

В молодые дни привыкнул утопать,

Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,

И ум его безвременно темнеет.

В семье своей будь навсегда главою;

Мать почитай, но властвуй сам собою –

*Ты **муж** и царь; люби свою сестру,*

Ты ей один хранитель остаешься.

Интересно также в этом отрывке значение слова **волнует**, употребленное в своем древнем метафорическом значении.

Пушкин употребляет дважды слово «**волновать**» в указанном значении; второй раз оно звучит в устах Шуйского:

Шуйский: Что же?

Когда Борис хитрить не перестанет,

*Давай народ искусно **волновать**,*

Пускай они оставят Годунова,

Своих князей у них довольно, пусть

Себе в цари любого изберут.

Таким образом, можно сделать вывод о том что Пушкина в славянизмах привлекает не «слог», а вполне реальные смысловые и экспрессивные качества каждого славянизма в определенном контексте. Условная жанровая мотивировка славянизма, до сих пор бытующая в драматическом языке, уступает место их предметному поэтическому осмыслению. Основная функция церковнославянизмов в языке «Бориса Годунова» - это осуществляемое через их посредство лирическое осмысление национально-исторической темы, это историческая стилизация, целью которой является перенесение повествовательного плана в прошлую эпоху и своего рода имитацию под стиль, характерный изображаемой эпохи. «Борис Годунов» является образцом исторической стилизации, особенно ярко представленной в речи Пимена, Бориса и

других действующих лиц. С помощью церковнославянизмов поэт воспроизвел характерные черты языка того времени, что помогает индивидуализации их характеров. Для Пушкина решающее значение имел принцип исторической верности. Однако стилевым фоном, нейтральной речевой средой является поэтический язык 20-30-х годов XIX века.¹

2.3. Разговорная речь в языке трагедии

В классической трагедии действующие лица не говорят, не беседуют, а декламируют. В основе классической трагедии лежит монолог, монологическая форма сменяется чередованием реплик, которыми обмениваются действующие лица, например, в «Аристоне» А. П. Сумароков:

Гикарн (обращаясь к Федиме)

И умираешь так, как в свете ты жила.

Дарий: Тебе готова смерть

---

¹ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы – М, 1959 - с. 575 – 576

Стократно тяжелей.

Гикарн: Еще по сей час не обвинен в сем деле

Дарий: Разбойник! Но не ты ль царевну умертвил?

Гикарн: Она жива, ее я здраву сохранил.

«Борис Годунов» Пушкина был первой русской трагедией, в которой декламация перестает быть основным и главенствующим принципом драматического языка. В трагедии Пушкина действующие лица на самом деле разговаривают, беседуют. Здесь реплики не замкнуты, не статичны, а даны в движении. При помощи различных лексических, синтаксических и интонационных средств осуществляется непосредственный переход конца одной реплики в начало другой. Одним из таких средств является повторение слов, составляющих вопрос одного из собеседников в ответе другого из собеседников, например:

Воротынский: Да, здесь, намедни,

*Ты **помнишь?***

*Шуйский: Нет, **не помню** ничего.*

Воротынский: Когда народ ходил в Девичье поле,

Ты говорил.

*Шуйский: Теперь не время **помнить***

Советую порой и забывать.

Воротынский: Что ежели правитель в самом деле

Державными заботами наскучил,

И на престол безвластный не взайдет?

Что скажешь ты?

Шуйский: Скажу, что понапрасну

Лилася кровь царевича-младенца.

*Один: **Нельзя** ли нам пробраться за ограду?*

*Другой: **Нельзя**. Куды! И в поле даже тесно,*

Не только там.

*Один: **Что за шум?***

*Другой: **Послушай! Что за шум?***

Народ завыл, там падают что волны

За рядом ряд... еще... еще.

Палаты патриарха.

*Патриарх: **И он убежал, отец игумен?***

*Игумен: **Убежал**, святой владыко. Вот уже тому третий день.*

*Патриарх: **Пострел окаянный! Да какого он роду?***

*Игумен: **Из роду Отрепьевых**, Галицких боярских детей.*

*Патриарх: ... **Ведь это ересь**, отец игумен.*

*Игумен: **Ересь**, святой владыко, суцая ересь.*

Сходный смысл имеют также следующие построения:

Царские палаты. Два стольника.

*Первый: **Где государь?***

*Второй: **В своей опочивальне***

***Он** заперся с каким-то колдуном.*

*Первый: **Так**, вот его любимая беседа:*

Кудесники, гадатели, колдуньи.

Краков. Дом Вишневецкого.

*Самозванец: - **Но кто**, скажи мне, Пушкин, **красавец** сей.*

*Пушкин: **Князь Курбский***

*Самозванец: **Имя** громко!*

*(Курбскому) **Ты родственник** Казанскому герою*

*Курбский: **Я сын** его.*

*Самозванец: **Он жив** еще?*

*Курбский: **Нет**, умер.*

Такого рода переходы от слов одного действующего лица к словам другого являются не столько намеренными, сколько произвольным внешним выражением чисто смыслового, а не декламационного принципа

сочетания реплик. Вопросы, ответы, восклицания, возражения, приказания и другие формы реагирования на речь собеседника в «Борисе Годунове» имеют реальную предметную опору в содержании речи, в том, что действующие лица трагедии не только по внешним условиям драматического строя произведения, но и по существу реально обращаются с речью друг к другу. Отсюда обилие специфических разговорных оборотов и интонаций в «Борисе Годунове», которые встречаются на протяжении всей трагедии и выступают в сочетании с разнообразными лексическими элементами: церковнославянизмами, просторечием, элементами фольклора и даже заимствованиями (**мраморная нимфа, парнасские цветы, латинская муза**). Они образуют материальную языковую ткань пушкинской трагедии. Приведем несколько примеров такого рода разговорных выражений.

Кремлевские палаты.

*Воротынский: Ужасное злодейство. **Полно, точно ль**
Царевича сгубил Борис?*

Шуйский: А кто же?

Воротынский: Нечисто, князь.

Шуйский: А что же мне было делать?

Все объявить Феодору?...

*Не хвастаюсь, **а в случае, конечно***

Никакая казнь меня не устроит.

Воротынский: Ведь Шуйский, Воротынский,

Легко сказать, природные князья.

Девичье поле. Новодевичий монастырь.

Один (тихо): О чем там плачут?

*Другой: **А как нам знать?** То ведают бояре,*

Не нам чета.

*Баба (с ребенком): **Ну, что ж?** Как нам надо плакать,*

Так и затих! Вот я, тебя, вот бука!

Плачь, баловень!

*Второй: **Что там еще?***

*Первый: **Да кто их разберет?***

Кремлевские палаты.

Воротынский: Ты угадал.

*Шуйский: **А что?***

Ночь. Келья в Чудовом монастыре.

Григорий: Давно, честный отец,

Хотелось мне тебя спросить о смерти

Димитрия-царевича: в то время

Ты, говорят, был в Угличе

*Пимен: **Ох, помню.***

Привел меня бог видеть злое дело,

Кровавый грех.

*Григорий: **Каких был лет царевич убиенный?***

*Пимен: **Да, лет семи,** ему бы ныне было*

(Тому прошло уж десять лет...нет, больше:

Двенадцать лет).

Москва. Дом Шуйского.

Пушкин: Племянник мой, Гаврила Пушкин, мне

Из Кракова гонца прислал сегодня.

*Шуйский: **Ну.***

*Пушкин: **Погоди:***

Димитрий жив.

*Шуйский: **Вот-на! Какая весть.***

Царевеч жив! Ну подлинно чудесно!

И только-то?

*Шуйский: **Что говорят об этом удалце?***

*Пушкин: **Да слышно:** он умен, приветлив, ловок,*

По нраву всем.

Шуйский: Прав, ты Пушкин.

Но знаешь ли? Об этом, обо всем

Мы помолчим до времени

Пушкин: Вестимо.

Знай про себя.

Царские палаты.

Царь: Постой; Не правда ль, эта весть

Затейлива. Слыхал ли ты когда,

Чтоб мертвые из гроба выходили?

Допрашивать царей, царей законных,

Назначенных, избранных всенародно.

Увенчанных великим патриархом?

Смешно? А? Что? Что ж не смеешься ты?

Царь: Ух, тяжело!... Дай дух переведу...

Зал воеводы Мнишека. В Самборе.

Мнишек: А дело-то на свадьбу страх похоже;

Ну, думал ты, признайся, Вишневецкий,

Что дочь моя царицей будет. А?

Мнишек: А какова, скажи, моя Марина?

Я только ей промолвил: ну, смотри!

Не упускай Димитрия!... И вот

Все кончено. Уж он в ее сетях.

Кавалер: Что в ней нашел Димитрий?

Дама: Как? Она

Красавица.

Мнишек: Признайся, друг: все как-то приуныло.

Оставим их; пойдём, товарищ мой,

*Венгерского обростию травой,
Велим открыть бутылку вековую
Да в уголку потянем-ка вдвоем
Душистый ток струю, как жир, густую,
А между тем посудим кой о чем.
Пойдем же, брат.*

Лес.

*Лжедмитрий: Мой бедный конь! Как бодро поскакал
Сегодня он в последнее сраженье.
И, раненный, как быстро нес меня,
Мой бедный конь.*

Пушкин (про себя): Ну вот о чем жалеет!

*Об лошади. Когда все наше войско
Побито в прах.*

Таких примеров в трагедии множество. В таких сгустках разговорной экспрессии, которая становится особенно заметной при сравнении с господствующей драматургической традицией, построена речь как реально средство общения между действующими лицами в драме «Борис Годунов».

2.4. Просторечие в «Борисе Годунове»

Пушкин стремится выйти за тесные пределы стилистического материала, установленные традицией. Он заимствует у Шекспира принцип чередования стихотворных и прозаических текстов. Подсказывал для прозы «площадной» гротескный материал, при помощи которого достигаются редкие драматические эффекты, состоящие в создании своего рода «языковых масок», т. е. персонажей, драматический характер которых отчетливо воплощен в особенностях их речи. Такими персонажами в трагедии являются Варлаам и Маржерет. Смысл этих «языковых масок» не документально-

бытовой, а прежде всего экспрессивный. Варлаам иногда произносит стереотипные церковные формулы типа **прииде грех велий на языци земнии**. Церковнославянизмы всего лишь деталь, входящая составной частью в его театральный образ. Варлаам – балагур, прибауточник, сыплющий поговорками. Такова его языковая маска.

*Варлаам: Вот мы, отец Мисаил да я, грешный, кат утекли из монастыря, так ни о чем уже не думают. **Литва ли,***

Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино... да вот и оно!

Мисаил: Складно сказано, отец Варлаам

*Варлаам: **А пьяному рай, отец Мисаил! Выпьем чарочку за шинкарочку...** Однако, отец Михаил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить, как мы, милости просим—нет, так убирайся, проваливай: **скоморох попу не товарищ.***

*Валлаам: Да что он за постник? **Сам же к нам навязался в***

товарищи, неведомо кто, неведомо откуда, - да еще и спесивится; может быть, кобылу нюхал...

Выражение «кобылу нюхал» означает «был сечен кнутом на кобыле», т. е. на особом рода доске, специально приспособленной для этого наказания.

В этом выражении наглядно сказалось совпадение тяготения Пушкина к историческому колориту и колоритному языку.

*Первый пристав: Ребята; здесь Гришка! **Держите, вяжите его!***

Вот уже не думал не гадал.

*Валаам: **Отстаньте сукины дети! Что я за Гришка? – как пятьдесят лет, борода седая, брюхо толстое! Нет, брат! Молод еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до***

петли доходит.

Источником грубого выражения послужил для Пушкина Карамзин, у которого оно приводится по летописи как пример негодования.

Важна речь Маржерета, говорящего по-французски, по своим экспрессивным качествам.

Маржерет (Перевод): Что значит православные?...

Рвань окаянная, проклятая сволочь!

Черт возьми, мейн герр (сударь),

*Я прям взбешен: можно подумать у них
нет рук, чтобы драться, а только ноги,
чтобы удирать.*

*Маржерет: Тысяча дьяволов! Я не сдвинусь отсюда ни на шаг –
раз дело начато, надо его кончать. Что вы скажете*

на это, мейн герр?

Маржерет: Черт, дело становится жарким,

*Этот дьявол – Самозванец, как они его называют,
отчаянный головорез.*

Как вы полагаете, мейн герр?

В прозаических сценах наблюдаются и некоторые элементы социальной характеристики действующих лиц по их языку. Это касается образа хозяйки корчмы.

Григорий: Куда ведет эта дорога?

Хозяйка: В Литву, мой кормилец, к Луевым горам.

Григорий: Да кого же им надобно? Кто бежал из Москвы?

*Хозяйка: А господь его ведает, вор ли, разбойник – только здесь и
добрым людям прохода нет – а что из того будет?*

Ничего; не лысого беса не поймают...

*... иди по тропинке..., а там прямо через болото на
Хлопина, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий
Мальчишка доведет до Луёвых гор.*

*Хозяйка: Нету, родимый. Рада бы сама спрятаться только
слава, что дозором ходят, а подавай им и вина, и хлеба,
и неведомо чего – чтоб им издохнуть окаянным!
Чтоб им...*

*Самозванец: Нет – легче мне сражаться с Годуновым
Или хитрить с придворным езуитом,
Чем с женищиной – **черт с ними; мочи нет,**
И путает, и вьется, и ползет;
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.*

*Змея! Змея! – Не даром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но решено: завтра двину рать.*

Так в знаменитом монологе Годунова, встречается слово **тошнит**:
*Ах! Чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою. –
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда – беда! Как язвой моровой
Душа горит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все **тошнит**, и голова кружится,
И мальчишки кровавые в глазах...*

И рад бежать, да некуда...ужасно!

Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

В речах мальчишек, старухи, юродивого, народа в заключительной сцене звучит народная речь:

Старуха: Отвяжитесь, бесенята, от блаженного

- помолись за меня, Николка, за меня грешную

Юродивый: Дай, дай, дай копеечку

Юродивый: Борис, Борис! Николку дети обижают.

Царь: Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Юродивый: Николку маленькие дети обижают...

Вели их зарезать, как зарезал ты

Маленького царевича.

Бояре: Поди прочь, дурак! Схватите дурака!

Царь: Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка!

Юродивый (ему вслед): Нет, нет! Нельзя молиться за

Царя Ирода – богородица не велит.

С эпохой Годунова связано происхождение пословицы «Вот тебе, бабушка, Юрьев день».

Афанасий Пушкин: Вот – Юрьев день задумал уничтожить.

Попробуй самозванец

Им посулить старинный Юрьев день,

Так и пойдет потеха.

Во всех этих примерах нет ничего нарочитого. Они вполне согласуются с нашим представлением об элементах просторечия в живом языке Пушкина. В «Борисе Годунове» встречаются обычные для Пушкина морфологические особенности: **противу их**, **волоса** рыжие, казаки лишь только **селы** грабят. Пушкин, согласно архаично-просторечному правилу согласования, употребляет глагол в форме множественного числа при подлежащем, имеющим значение количества:

*Не много слов **доходят** до меня;*

Входят несколько ляхов.

Воротынский: Народ отвык в нас видеть древнюю отрасль.

Употреблена краткая форма прилагательного в роли определения.

Шуйский: Царь из Литвы пришла нам весть

*Царь: Не та ли, что Пушкину привез **вечор** гонец*

Народ: Что толковать? Боярин правду молвил.

Да здравствует Димитрий, наш отец!

Мужик на амвоне: Народ, народ! В Кремль, в царские палаты!

Ступай! Взять Борисова щенка!

Можно сделать вывод о том, что и славянизмы и просторечные элементы окрашены в «Борисе Годунове» в национально-исторические тона.

2.5. Элементы делового письма в языке трагедии «Борис Годунов»

Некоторые элементы делового приказного языка также нашли отражение в трагедии.

Борис Годунов: Мне свейский государь

Через послов союз свой предложил,

*Но не нужна нам чуждая **помога***

Афанасий Пушкин: Король его ласкает

*И говорят, **помогу** обещаю*

Гавриила Пушкин: Не знаешь ли, чем сильны мы, Басманов.

*Не войском, нет, не польскою **помогаю**.*

Борис Годунов: Пора смирить безумца! – Поезжайте

Ты, Трубецкой, и ты, Басманов: помочь

Нужна моим усердным воеводам

Помочь вместо **помощь** встречается у Пушкина и в повести «Дубровский», когда Маша говорит: «Каким образом вы мне окажете помочь?»

В обращении к сыну Годунов произносит следующие слова:

Все области, которые ты ныне

*Изобразил так **хитро** на бумаге*

*Все **под руку** достанутся твою.*

В этом отрывке слово «**хитро**» употреблено в старинном обиходном значении «**искусно**», а выражение «**под руку**» является одним из старинных выражений делового языка, и означало оно «**власть**».

В приведенном выше обращении Карелы к Самозванцу встречается выражение «**царевы ясны очи**», «**кланяться головами**»

И ответ Самозванца:

... мы по старине

***Пожалуем** наш верный, вольный Дон*

Гаврила Пушкин объясняет Самозванцу, что новые лица, которые он видит в окружающей толпе:

Они пришли у милости твоей

***Просить** меча и службы*

*Пушкин: **Целуйте крест законному владыке,***

Смиритесь, немедленно пошлите

К Димитрию во стан митрополита,

Бояр, дьяков и выборных людей,

Да бьют челом отцу и государю

Третий: Да вот верховный дьяк

*Выходит нам **сказать решение думы***

Народ: Молчать! Молчать! Дьяк думный говорит;

Ш-ш – слушайте

*Щелкалов: **Собором положили***

(с красного крыльца) В последний раз отведашь силу просьбы

Над скорбною правителя думой

Интересен образ Воротынского – знатного боярина, представителя древнего рода, униженного царями.

Шуйский: Перешагнет, Борис не так-то робок!

Какая честь для нас, для всей Руси!

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты!

Зять палача и сам в душе палач,

Возьмет венец и бармы Мономаха...

Воротынский: Так, родом он незнатен, мы знатнее.

Воротынский: Ведь Шуйский, Воротынский...

Легко сказать, природные князья.

Не мало нас, наследников варяга,

Да трудно нам тягаться с Годуновым:

Народ отвык в нас видеть древню отрасль

Воинственных властителей своих.

Уже давно лишились мы уделов;

Давно царям подручниками служим

Слово **подручник** означает подчиненного, подвластного кому-нибудь человека (**под рукою** – **под властью**). По значению в языке русского феодализма близко к слову **вассал**; ср. противопоставление **князя** и **подручника** в Ипатьевской летописи: «не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку». Пушкин, чувствуя конкретно-исторический колорит указанного слова, вставляет его реплику Воротынского, что является интересной деталью феодальных переживаний Воротынского, хотя уже тогда бытовало слово «дворяне».

Другой такой феодальной особенностью в языке «Бориса

Годунова» является слово «витязь». Самозванец трижды употребляет это слово в отношении к Курбскому:

*Я радуюсь, великородный **витязь**,
Что кровь его с отечеством мирится.*

*О **витязь** мой! Завидую тебе,
Сын Курбского, воспитанный в изгнание,
Забыв отцом снесенные обиды,
Его вину за гробом искупив,
Ты кровь готов излить за сына Иоанна*

*Что ж курбского не вижу между вами?...
Где ж **витязь** мой?*

Слово **витязь** имеет значение русского эквивалента западному **рыцарь**.
Так, в поэме «Руслан и Людмила» Пушкин иногда называет витязей рыцарями:

*Наш **витязь** мимо черных скал
Тихонько проезжал и взором
Ночлега меж дерев искал*

*Дальше: Над **рыцарем** иная машет
Ветвями молодых берез*

*И **рыцарь** пасмурный шептал*

Марина, прекрасная и гордая полячка, также употребляет данное слово:

*О верю я! – но чем, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? Не именем ли бога*

*Как набожный примыши езуитов?
Иль честию, как **витязь** благородный...*

... я ног своих видала

Я рыцарей и графов благородных;

Но их мольбы я хладно отвергала

У Карамзина также встречается **ВИТЯЗЬ**: «Тут Расстрига, как истинный **ВИТЯЗЬ**, оказал смелость необыкновенную».

В драме встречается еще интересный кусок стилизации старинного официального документа в сцене в корчме. Оглашенный в этой сцене царский указ о поимке беглого монаха, чернеца Григория Отрепьева, строго выдержан Пушкиным в духе делового приказного языка:

Григорий: Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из

роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный

диаволом, возмущать святую братию. Всякими

соблазнами и беззакониями. А по справкам оказалось,

отбежал он, окаянный Гришка, к границе литовской...

Варлаам продолжает читать: «*А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волоса рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая.*»

Синтаксический строй делового языка характеризуется паратактическими формами связи, при которых различные смысловые отношения передаются либо простым соединением, либо при помощи союзов **и**, **а**, иногда с помощью указательных местоимений и повторением определенного слова, частым предложением предлогов.

Внимательное отношение Пушкина к синтаксической стороне делового официального языка сказалось, в частности, также в употреблении характерного присоединительного союза **а**, который

начинает текст:

А лет е-му от-ро-ду... 20...

А ростом он мал, грудь широкая...

Пушкин стилизовал даже в орфографическом отношении царский указ, Чюдова (**ю** после мягкого **ч**), согласно древнерусской орфографии.

Таким образом, и просторечные элементы окрашены в национально-исторические тона.

2.6. Фольклорный материал в языке драмы

Фольклорный материал использован Пушкиным в нескольких эпизодах. Это эпизод царевны Ксении с мамкой в разговоре об умершем женихе:

*Ксения (целует портрет): Милый мой жених прекрасный
королевич, не мне ты достался, не своей
невесте – а темной могилке на чужой
сторонке. Никогда не утешусь, вечно по
тебе буду плакать.*

*Мамка: И, царевна! Девица плачет, что роса падет; взойдет
солнце росу высушит. Будет у тебя другой жених и
прекрасный, и приветливый, полюбишь его дитя наше
ненаглядное, забудешь своего королевича.*

Ксения: Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна.

Элемент фольклора присутствует в монологе Пимена в стихе: волнуясь, как **море-окиян**:

*Пимен: Минувшее преходит предо мною –
Давно ль неслось оно, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян ?*

Следующий эпизод связан с песенкой юродивого:

*Месяц светит,
Котенок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!*

Термин **витязь** также в некоторой степени связан с фольклором, тем более, что Курбский обнажает меч за **надежу-государя**, который также является фольклорный образом.

*Курбский: Вот, вот она! Вот русская граница!
Святая Русь, отечество! Я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхаю
С моих одежд – пью жадно воздух новы:
Он мне родной!... теперь твоя душа,
О мой отец, утешится и в гробе
Опальный возрадуются кости!
Блеснул опять наследственный наш меч
Сей славный меч, гроза Казани темной,
В своем пиру теперь он загуляет
За своего **надежу-государя!**...*

*Самозванец: Здорово, господа!
Что ж Курбского не вижу между вами?
Я видел, как сегодня в гущу боя
Он врезался: тьмы сабель молодца,
Что зыбкие колосья облепили;
Но меч его всех выше поднимался,
А грозный клик все клики заглушал.
Где ж **витязь** мой?*

*Лях: Он лег на **поле смерти**.*

В приведенном отрывке термин «**витязь**» также связан с фольклором. Курбский погибает на **поле смерти** за своего **надежу-государя**.

2.7. Галлицизмы в драме «Борис Годунов»

Немало а трагедии Пушкина галлицизмов. «Галлицизм: слово или оборот речи, заимствованный из французского языка»¹.

*Басманов: Он прав, он прав: везде измена зреет –
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный
И самому... Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!
Доверенность молодого венценосца
Предательством ужасным заплатить.*

Здесь употреблена беспредложная конструкция **заплатить доверенность**, бытующая во французском языке.

*Самозванец: Я знал донцов. **Не сомневался видеть**
В своих рядах казачьи бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.*

Здесь употребляется конструкция с инфинитивом.

*Царь: Что Ксения? Что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя мое! Судьба мне не сулила
Виновником быть вашего блаженства.
Я может быть, прогневал небеса,
Я счастье твое не мог утсроить.*

Самозванец: Что ж Курбского не вижу между вами?

Лях: Он лег на поле смерти.

*Самозванец: **Честь храброму и мир его душе!***

Сцена с Мариной у фонтана.

---

¹ Словарь русского языка, 1 – 4 т; т. 1 - М, 1981 - с. 298

*Самозванец: Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанья.
Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безумства...
Сих тяжких тайн не выдаст мой язык.*

*Марина: Но – слышит бог – пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.*

Самозванец: Ты кто такой?

Поляк: Сабаньский, шляхич вольный.

*Самозванец: Хвала и честь тебе, **свободы чадо!***

Вперед ему треть жалованья выдать.

Такого рода атрибутивное употребление родительного падежа от существительных с отвлеченным значением очень часто встречается в лирическом языке Пушкина: **дева красоты, дочь неволи, нег и плена** в «Бахчисарайском фонтане», **нега любви** в «Гавриллиаде» и др.

Интересным является в трагедии соединение галлицизмов со славянизмами. Так, Борис Годунов говорит Шуйскому:

*Послушай, князь: **взять меры** сей же час;
Чтоб от Литвы Россия оградилась заставами...*

Это же выражение Марина повторяет в славянизированной форме.

Не время, князь. Ты медлишь – и меж тем

*Приверженность твоих клеветов стынет,
А Годунов свои **приемлет меры**...*

Часто встречается в трагедии образ, прикрепленный к слову **кипеть**:

*Самозванец: И я люблю **парнасские цветы**.*

Я верую в пророчества пиштов.

*Нет, не вотще в их **пламенной** груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Его же они прославили заранее.*

*Марина: **Не юноше, кипящему, безумно**
Плененному моею красотой,
Знай: отдаю торжественно я руку
Наследнику московского престола,
Царевичу, спасенному судьбой*

*Царь: Повсюду им разосланные письма
Посеяли тревогу и сомненье,
На площади мятежный бродит шепот,
Умы **кипят**, их нужно остудить.*

*Григорий: Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник:

Внизу народ на площади **кипел**
И на меня указывал со смехом.*

В польских сценах встречаются такие выражения, как **прелестная**

Марина, мраморная нимфа:

*Дама: Как! Она
красавица.*

Кавалер: Да, мраморная нимфа:

Глаза, уста без жизни, без улыбки...

Самозванец: Не мучь меня, прелестная Марина,

*Не говори, что сан, а не меня
Избрала ты.*

В драме постоянно употребляются слова **безумный** и **безумство**:

Пимен: Мой старый сон не тих, и не безгрешен,

*Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет.*

Царь: Безумны мы ,когда народный плеск.

Иль ярый вопль тревожит сердце наше

В сцене у фонтана:

*Марина: Не юноше, **кипящему безумно***

*Плененному моею красотой,
Знай: отдаю торжественно я руку
Наследнику московского престола,
Царевичу, спасенному судьбой.*

Самозванец: Клянусь тебе, что никогда, нигде,

*Ни в пиршестве за **чашею безумства,***

Ни в дружеском, заветном разговоре,

Ни под ножом, ни в муках истязаний

Си тяжких тайн не выдаст мой язык.

Интересны также специфические лирические сочетания, с родительным определительным, которые получили широкое распространение в русском языке под влиянием французского языка:

Пимен: Когда-нибудь монах трудолюбивый

Найдет мой труд усердный, безымянный,

Засветит он, как я, свою лампаду

*И, **пыль веков** от хартий отряхнув,*

Правдивый сказанья перепишет...

Григорий: Я угадать хотел, о чем он пишет?

*О темном ли **владычестве татар?***

О казнях ли свирепых Иоанна?

Григорий: Когда со мной свершится

***Судьбы завет**, когда корону предков*

Надену я.

Самозванец: Несчастный вождь! Как ярко просиял

***Восход** его шумящей, бурной жизни.*

На почве французского языка возникают своеобразные формы метафоризации:

*Царь: Душа сгорит, **нальется сердце ядом**,*

Как молотком стучит в ушах упрек.

Курбский: Чужбины прах с презреньем отряхаю

*С моих одежд – **пью жадно воздух новый**.*

Выводы по 2 главе

Пушкин – реформатор «условного» жанрового языка классической русской трагедии, который в начале XIX века находится в кризисном состоянии.

Пушкин не проводит резкой границы между драматическим и литературным языком. Он вовлек драматический жанр в общий поток русского поэтического слова своей эпохи, у него отсутствуют какие-либо жесткие жанровые ограничения.

Русский литературный язык, нормы которого были выработаны Пушкиным, является общим стилистическим фоном трагедии, на котором приобретают особое значение церковнославянизмы, просторечие, заимствование, разговорная речь.

«История государства Российского», которая явилась фактической основой драмы «Борис Годунов», была пропущена Пушкиным через поэтическое сознание.

«Борис Годунов» был первой русской трагедией, в которой декламация перестает быть основным и главенствующим принципом. Вместо декламации появляются диалог, беседа.

Отбор языкового материала в художественное произведение, в том числе и в трагедию, драму, производится в соответствии с критерием эстетическим, критерием художественности. Это значит, что отбор языкового материала в литературное

произведение производится прежде всего конкретной художественной задачей, поставленной в произведении. Все это предопределяет особенности языка произведения, его

стилистическую характеристику. Нет ничего заранее заданного, условного, навязанного со стороны: язык произведения непосредственно вытекает из внутренних свойств произведения, поэтому он также эстетически значим и индивидуально неповторим, как и все остальные элементы художественного произведения. С именем Пушкина разрушается стена языковых условностей и

ограничений, которая стояла между художником и изображаемой действительностью.

Стилистическая сложность произведения отражает многогранность изображаемой действительности. Отказ от стилистического однообразия открывал путь для реалистического отображения действительности, для широкого и вольного изображения характеров.

Пушкин в трагедии «Борис Годунов» использует широкий диапазон стилистических средств языка: от бытового просторечия до языковых средств «высокого слога».

Главная задача Пушкина – это воспроизведение исторической эпохи средствами языка. Весь языковой материал пропущен Пушкиным через свое поэтическое сознание, поэтому он приобретал все типичные качества пушкинского поэтического слова.

В национально-исторические тона у Пушкина окрашены все языковые средства: и славянизмы, и просторечие, и галлицизмы.

Драматический язык подчинен нормам, которые Пушкин выработал в своих поэтических образцах начала XIX века. Те стилистические языковые средства, которые привлечены Пушкиным, не выделяются на их фоне.

Заключение

Пушкин – одно из самых замечательных явлений русского художественного слова, крупнейший мастер языка и стиля в русской литературе.

Творчество Пушкина представляет собой высшее воплощение национально-русского литературно-языкового выражения. Он создал самые яркие и совершенные образцы национально-литературного выражения не только в прозе и поэзии, но и в драматическом языке.

Пушкин в трагедии «Борис Годунов» отошел от господствующей традиции в драматическом языке русской трагедии, язык которой был условным языком жанра, обособленного «высоким слогом». Пушкин вышел за тесные пределы «высокого слога», установленного традицией, который означал полное однообразие языка. Отбор языкового материала в «Борисе Годунове» производится в соответствии с главной задачей, поставленной в трагедии – воспроизведение исторической эпохи «смутного времени».

Пушкин утверждает многообразие стилей в пределах единой общенациональной нормы литературного выражения. В пушкинском тексте слово выбирается по принципу максимально точного обозначения предмета, максимально точного выражения мысли. Отбор языковых средств Пушкиным и в прозе, и в поэзии, и в драматическом жанре производится в соответствии с логикой событий, и положений, с правдой характеров и требованием искренности и точности выражений.

Подчеркнутая смысловая точность словоупотребления сочетается с отказом от всякого рода словесных украшений, присущих сентиментальному стилю. В классицизме условности были предусмотрены жанром, каждый из которых характеризовался своими правилами отбора и организации языковых средств.

Пушкин выработал единые нормы литературного языка, которые стали общими для всех жанров художественной литературы, в том числе и для

драмы. Они стали общим языковым фоном, на котором приобретают особое значение различные стилистические средства русского языка. Он отказывается от стилистического однообразия, ровности слога. Стилистическая сложность произведения позволяла свободное сочетание и взаимопроникновение языковых единиц, прежде разобщенных и противопоставленных в историко-генетическом, экспрессивно-стилистическом и социально-характериологическом плане. Языковые единицы отбираются не по происхождению, стилевой принадлежности или социальной приуроченности, а по их соответствию изображаемой действительности, что создает единое гармоничное целое

Язык трагедии «Борис Годунов» прост, благороден, истинно драматический язык, в котором находят свое место различные языковые средства. Но все они способствуют раскрытию национально-исторической темы: и церковнославянизмы, и разговорная речь, и просторечие, и галлицизмы, и элементы делового языка, и славянизмы, до Пушкина составлявшие основу «высокого слога», которым писали трагедии, служат для создания исторической эпохи того времени.

Список использованной литературы

Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Ташкент: Узбекистан, 1997 – С. 134.

1. Аванесов Р. И. К вопросам периодизации истории русского

языка // Славянское языкознание. VII

Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973

2. Аксаков К. С. О Карамзине. Русская литература. 1977 - №3

3. Алексеев А. А. Академик А. И. Соболевский. – историк русского

литературного языка. «ВЯ» - 1975 - №5

4. Барнет В. Языковая норма в социальной коммуникации. //

Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976

5. Бельчиков Ю. А. Русский литературный язык во второй

половине XIX века. М., 1974

6. Благой Д. Д. Пушкин и русская литература XVIII века. //

Пушкин – родоначальник новой русской литературы. М. – Л., 1941

7. Будаков Д. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967

8. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Киев, 1953

9. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954

10. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959

11. Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык. //

Пушкин – родоначальник новой русской литературы. М. – Л., 1941

12. Виноградов В. В. О художественной речи Пушкина. – Русский язык в школе. 1967 - №3

13. Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967
14. Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978
15. Виноградов В. В. Русская наука о русском литературном языке. // Виноградов В. В. История лингвистических учений. М., 1978
16. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка. XVIII – XIX в.в. 3-е изд. М., 1982
17. Винокур Г. О. Русский литературный язык второй половины XVIII века. // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959
18. Горшков А. И. Теория русского литературного языка. М., 1984
19. Ефимов А. И. История русского литературного языка. М., 1987
20. Ильинская И. С. Из истории славянизмов в поэтической речи первой половины XIX века. // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964
21. Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М., 1978
22. Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в. М., 1969
23. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1977
24. Кожина М. Н. Соотношение стилистики и лингвистики текста: «Филологические науки» - 1979 - №5
25. Колесов В. В. К характеристике стилистического варианта в литературном языке. // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971

26. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка.
X – середина XVIII в. М., 1975
27. Левин В. Д. Пушкин и язык русской литературы // «Русский язык в школе» - 1962 - №1
28. Лежнев А. Г. Проза Пушкина. Опыт стилового исследования.
М., 1966
29. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века.
М., 1981
30. Литературный язык XVIII века: Проблемы стилистики. Л., 1982
31. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X – XVIII в.в.:
Эпохи и стили. Л., 1973
32. Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина. М., 1969
33. Мальцева Н. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические
новообразования в русском языке XVIII века.
Л., 1975
34. Малкова О. В. О связи церковнославянского языка
древнерусской редакции со старославянским
языком // «ВЯ» - 1981 - №4
35. Мещерский Н. А. История литературного языка. Л., 1981
36. Милехина Е. В. История литературного языка. М., 2002
37. Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного
языка старшего периода. М. – Л., 1946
38. Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М.,
1960
39. Островский А. Н. ПСС. т. XII., М., 1952
40. Русские писатели о языке. Л., 1954
41. Поспелов Н. С. Синтаксический строй стихотворных
произведений Пушкина. М., 1960
42. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1974 – 1978

43. Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980
44. Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980
45. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30-90-е годы XIX века. М. – Л., 1965
46. Средневский И. И. Мысли об истории русского языка. М., 1959
47. Томашевский В. Вопросы языка в творчестве Пушкина. // Пушкин, исследования и материалы. т. 1. М. – Л., 1956
48. Успенский Б. А. История русского литературного языка. М., 1981
49. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981
50. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977

Интернет литература

1. <http://azbyka.ru/fiction/o-poeme-a-s-pushkina-boris-godunov-chast-1/>
2. <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/god/god-129-.htm>
3. http://royallib.ru/book/pushkin_aleksandr/boris_godunov.html
4. <http://www.literature-xix.ru/pushkin/boris-godunov/>
5. <http://www.openclass.ru/node/100252>